

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 882(092)

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-571-581

Мотив возвращения родного дома в прозе Фёдора Абрамова и Валентина Распутина

Валентина Яковлевна ИВАНОВА

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 8

✉ i_valya@mail.ru

Аннотация. В сравнительно-типологическом анализе произведений двух классиков деревенской прозы Ф. Абрамова и В. Распутина выявляется общность мотива возвращения родного дома, связанного с мотивами возвращения домой и его восстановления, особенно актуального в контексте российской истории и культуры XX–XXI веков. Обосновано, что образ родного дома как родительский, расширенный до метафоры родного края, родной страны, главная духовная ценность в прозе обоих писателей, даёт главным героям произведений полноту и осмысленность жизни, возвращение к себе, подлинность. Сделан вывод, что образ родного дома в прозе двух писателей связан с образом разрушенного, брошенного дома или его утратой, и с мотивом его обретения, восстановления. В статье проанализированы роман Ф. Абрамова «Дом» из тетралогии «Братья и сёстры» и рассказ «Медвежья охота», а также рассказы В. Распутина «День рождения», «Изба», очерк «Вниз и вверх по течению», повесть «Пожар». Художественный образ родного дома и связанные с ним мотивы возвращения домой и возвращения дома в прозе двух писателей свидетельствуют об устойчивости данного образно-мотивного комплекса, о стремлении укрепить его в русской литературе во всей полноте и многозначности как нравственную опору. Анализ основан на аксиологическом подходе В.Е. Хализева, концепции этнопоэтики В.Н. Захарова, на работах Т.И. Радомской. Результаты исследования могут быть использованы в школьном и вузовском преподавании истории русской литературы, культурологии.

Ключевые слова: русская литература, образ родного дома, мотив возвращения домой, образ разрушенного дома, мотив возвращения родного дома

Для цитирования: Иванова В.Я. Мотив возвращения родного дома в прозе Фёдора Абрамова и Валентина Распутина // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 571-581. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-571-581>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The motive of native home returning in the prose of Fyodor Abramov and Valentin Rasputin

Valentina Y. IVANOVA

Irkutsk State University
8 Lenin St., Irkutsk 664025, Russian Federation
✉ i_valya@mail.ru

Abstract. In a comparative typological analysis of the works of two classics of rural prose F. Abramov and V. Rasputin, the commonality of the motive of native home returning, associated with the motives for returning home and its restoration, is revealed, which is especially relevant in the context of Russian history and culture of the 20th-21st centuries. We substantiate that the native home image as a parental one, expanded to a metaphor of the native land, native country, the main spiritual value in the prose of both writers, gives the main characters of the works the fullness and meaningfulness of life, return to themselves, authenticity. We conclude that the native home image in the prose of two writers is associated with the image of destroyed, abandoned house or its loss, and with the motive of its acquisition, restoration. The work analyzes the novel by F. Abramov “The House” from the tetralogy “Brothers and Sisters” and the story “Bear Hunt”, as well as the stories by V. Rasputin “Birthday”, “The Hut”, the essay “Down and Upstream”, the story “The Fire”. The artistic image of native home and associated motives of returning home and home returning in the prose of two writers testify to the stability of this figurative-motive complex, the desire to strengthen it in Russian literature in its entirety and ambiguity as a moral support. The analysis is based on the axiological approach of V.E. Khalizeva, V.N. Zakharov’s concepts of ethno-poetics, on T.I. Radomskaya’s works. The study results can be used in school and university teaching of Russian literature history, culturology.

Keywords: Russian literature, native home image, motive for returning home, destroyed home image, motive of native home returning

For citation: Ivanova V.Y. Motiv vozvrashcheniya rodnogo doma v proze Fëdora Abramova i Valentina Rasputina [The motive of native home returning in the prose of Fyodor Abramov and Valentin Rasputin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 571-581. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-571-581> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Родной дом как центр мироздания русского человека является ведущим художественным образом в прозе Ф. Абрамова и В. Распутина. Сюжеты многих произведений этих писателей определяются образом родного дома. Их образный мир выделяет аксиологический аспект человеческой жизни с корневыми ценностями русской культуры – родного дома и семьи, определяющими внутреннее родство и цельность народа. «И верно – по Руси – России, как по матери, мы

все кровная родня»¹, писал в поздние годы В. Распутин. В.Е. Хализев, рассматривая художественный мир поэмы Пушкина «Домик в Коломне», выделил главную составляющую, определившую, по его мнению, последующее развитие русской литературы. «Главное же, своим «Домиком в Коломне» Пушкин открывал дорогу столь важному в составе отечественной литературной класси-

¹ *Распутин В.Г.* У нас остаётся Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / сост. Т.И. Маршкова; предисл. В.Я. Курбатова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. С. 667.

ки нравоописанию, которое органически сопряжено с темой дома, не имеет ничего общего с отчужденностью автора от героев и, будучи свободным от идеализации изображаемого, вместе с тем отмечено тёплой печалью и задушевностью, сердечным приятием и доброжелательным юмором» [1, с. 126]. Среди прямых наследников в изображении темы дома исследователь называет деревенскую прозу. При анализе эстетики быта в творчестве Н.С. Лескова в специфике изображения вещного мира В.Е. Хализев также выделяет «...неколебимое «чувство дома» в самом серьёзном смысле этих слов» [1, с. 278]. Это чувство дома является ориентиром в жизненных и душевных коллизиях главных героев Ф. Абрамова и В. Распутина, воплощаясь в мотивах стремления и возвращения домой. Кроме того, в споре об отечественной классике в начале XX века, вслед за другими литературоведами, В.Е. Хализев классифицирует атмосферу семейного тепла не как стадию русской жизни, а как её константу [1, с. 46], характеризуя не эпизодичностью мотив семейного тепла в русской литературе, а устойчивостью. В итоге тему дома в русской классической литературе, эмоционально окрашенную тёплой печалью, задушевностью, сердечностью и юмором, В.Е. Хализев определяет как ведущую ценностную ориентацию отечественной литературы. Продолжая мысль учёного, можно сказать, что в русской литературе XX века данная тема получает новые смысловые повороты – коннотации боли, страдания за разрушенный дом, с чем связано и появление мотива восстановления родного дома.

Образ родного дома и отечества как дома в русской литературе первой трети XIX века достаточно полно раскрыла Т.И. Радомская [2]. Обращение к теме и образу дома в литературе названного периода автор монографии объясняет исторически – как потребность после петровских реформ восстановить духовность и цельность русского сознания. Рассматривая образ Дома и Отечества внутри христианско-православной традиции, Т.И. Радомская раскрывает значимость русской литературы первой трети XIX века (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов) в изображении родного дома как прообраза Дома Небесного. Образ дома, по убеждению автора, «...художест-

венно осмыслялось, отражалось в русской литературе на протяжении веков <...>» [2, с. 4]. Дом – это место, где человеку «...предстоит осуществить своё человеческое призвание – «самостоянье», стать самим собой» [2, с. 92]. В романе «Евгений Онегин», по мнению исследователя, образ дома «...представлен через восстановление духовной основы человека <...>» [2, с. 136]. Вместе с мотивом мучительного обретения дома в русской литературе первой трети XIX века возникает и мотив пути к дому, возвращения домой, который рассматривается исследователем как реминисценция евангельского мотива возвращения блудного сына.

В следующей работе, рассматривая образ дома, Т.И. Радомская выделяет его новый аспект – судьбу дома, фиксируя внимание на изменении данного образа в русской литературе XIX–XX веков [3]. По мнению исследователя, с середины XIX века в отечественной литературе появляется тема сиротства, бездомности человека, что относится к российским просторам в целом. Автор статьи обнаруживает тему сиротства у Гоголя и Достоевского, изобразивших её как общую опасность российской жизни. Эта же тема сиротства переходит в русскую литературу XX века, что обусловлено исторически. «История XX века ознаменовалась потерей Дома во всех его проявлениях. В жизни семейной, государственной, духовной человек в полной мере познал своё сиротство» [3]. Особенностью русской жизни и её отражения в русской литературе XX века, по утверждению Т.И. Радомской, становится «отсутствие Дома» [3]. Следуя рассуждениям исследователя, можно сказать, что, продолжая свое развитие, образ дома в русской литературе XX века претерпевает существенные трансформации и получает вместе с этим новый мотивный комплекс.

Наблюдения и выводы Т.И. Радомской важны при изучении особенностей деревенской прозы. Образ дома как культурная доминанта, таким образом, обнаруживается в русской литературе XX века. Обращение к образу дома обусловлено теми же историческими причинами, что и в русской литературе первой трети XIX века, указанными Т.И. Радомской, – потребностью восстановить национальное ядро культуры – только

теперь уже после социально-экономических реформ, разрушений, духовных травм XX века. Деревенская проза выполняла задачу сохранения констант национального сознания в сложный, неоднозначный политический период отечественной истории. О таком значении русской литературы в течение 1960–1980-х гг. писал В. Распутин, метафорически используя центральный для отечественной культуры мотив, – возвращение домой².

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В сравнительно-типологическом анализе произведений двух классиков деревенской прозы Ф. Абрамова и В. Распутина выявляется общность мотива возвращения родного дома, связанного с мотивами возвращения домой и его восстановления, особенно актуальными в контексте российской истории и культуры XX–XXI веков с резкими поворотами и радикальными отказами от традиций. Проза двух писателей продолжает раскрывать сущностный и прогностический потенциал в современной отечественной культуре. При анализе в данной работе используются аксиологический подход изучения русской литературы В.Е. Хализева [1], его теория культурной доминанты [4], выделяющие константные начала отечественного бытия и сознания, а также концепция этнопоэтики В.Н. Захарова [5; 6], работы Т.И. Радомской [2; 3]. Историческая динамика утверждения аксиологического подхода в отечественном литературоведении убедительно представлена в работе О.В. Никандровой и В.Е. Хализева [7].

Концепция этнопоэтики, согласно её создателю, заключается в выявлении национального своеобразия конкретной литературы, обозначения её места в мировом литературном процессе [6, с. 10]. Одним из объяснений, на наш взгляд, того, что делает литературу национальной, является мотивный комплекс. В.Н. Захаров, утверждая, что с уходом В.Г. Распутина из жизни «...завершилась классическая традиция русской литературы» [8, с. 12], укрепляет позицию писа-

теля в развитии этой традиции как преемника, в том числе и культурных доминант, образов и мотивов. Понятие «мотив», введённое в отечественное литературоведение А.Н. Веселовским как «простейшая повествовательная единица», и понятие «сюжет» как «комплекс мотивов» (см.: [9, с. 9]) в данной статье рассматриваются в соответствии с первоначальным значением. Название «мотив возвращения родного дома» используется в качестве рабочего, ситуативного термина. Подобный статус термина уместен, согласно рассуждениям В.Е. Хализева, при изучении конкретных произведений и при постановке конкретных задач [10, с. 5]. При этом необходимым в определении мотива является слово «возвращение», так как оно вводит в название упоминание о важной сюжетной части – возвращении в родной дом. Таким образом, мотив возвращения родного дома в данной статье включает в себя значение восстановления родного дома и обязательный компонент возвращения человека в родной дом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тетралогия Ф. Абрамова «Братья и сёстры» держится сквозным, магистральным образом родного дома, понимаемого расширенно, – до деревни, родного края. События, изображённые в романах, происходят в Печашине в течение двух десятилетий. Тетралогию замыкает роман «Дом», сюжетно близкий к притче, как развернутая метафора единства русского народа, – соби́рание семьи в родном доме. С образом родительского дома связан образ семьи Пряслиных, объединяющий кровным родством, домом, землёй людей с разными судьбами. В сюжете романа «Дом» можно отметить метафорическое значение самого хода событий: жизнь старшей сестры Лизы в чужом доме, получение этого дома в наследство, потеря его и обретение собственного дома, родительского, и, наконец, соби́рание всей семьи в этом доме. Ключевым в романе является как сам образ родного дома, так и мотив его восстановления, мотив возвращения братьев и сестры домой. И в этом обнаруживается главный смысл сюжета всей тетралогии как метафоры –

² Распутин В.Г. Жива ли русская литература: (история болезни) // Ленская правда. Качуг, 1997. 28 марта. С. 2-3.

ощущение русского народа себя одной большой семьёй.

Мотив разрушенного дома особенно пронзительно прозвучал в творчестве Ф. Абрамова в рассказе «Медвежья охота» (1963–1964). За сюжетом медвежьей охоты скрывается второй, главный сюжет – встреча с родным, родительским домом. Обнаружение в глухом лесу разрушенных домов, которых когда-то было девятнадцать, в рассказе представлено как встреча. Отношение к брошенному дому дано с четырёх, во многом противоположных позиций: бездомного, отчуждённого от родства человека (Пашка); чужих по отношению к дому людей; человека, выросшего в его стенах; а также с позиции повествователя, отзывчивого и чуткого человека. Таким образом, читатель видит дом эмоционально по-разному окрашенным, что даёт объёмность изображению. Повествователь первым разглядел дом за кустами среди полей. Его душа выделила его из природного мира. Во время охоты человек неотступно смотрит в сторону дома, отмечая смену в течение дня цвета крыши. Вначале она освещена солнцем, розовая от заката, затем гаснет, скрываемая белым густым туманом. Дом предстаёт старым, брошенным на произвол судьбы, озарённым душевным светом. Оставленный людьми, он становится главным героем произведения, потеснив предмет медвежьей охоты. Два живых ещё дома из всей маленькой деревни представлены в восприятии повествователя, с сочувствием вглядывающегося в них среди ночи. Дом ему интересен как новый человек. «Когда разгорелся огонь, я сперва увидел мокрую рябину с обломанными нижними ветвями и красными кисточками ягод, потом пламя стало ярче, и за рябиной проступали бревенчатые стены. Рам нет – чёрные провалы вместо окон. А слева от нас, за травянистым проулком, был тоже дом и тоже без окон, и такой же густой туман окутывал его»³. Образ дома окрашен чёрным в сочетании с красным цветом рябин и производит тягостное впечатление, которое усиливается высказываниями местных жителей о бывшей счастливой жизни хозяев – «сметанников». Жизнь в постоянном труде

давала людям в этом доме довольство и сытость, благодать. Мотивами брошенности и сиротливости отмечен образ дома в лесу.

Судьба «корнеевской поросли» и корнеевской избы – рассказ в рассказе. Новая, только что построенная изба даётся глазами ребёнка, теперь старого учителя. «Да, занятая была изба. Брёвна толстые-толстые, в обхват, а окошечки маленькие, ну прямо как в бане»⁴. Мощь избы, построенной на века, контрастна тем останкам, которые застали охотники. Обветшание дома, оставленного хозяевами, продолжает рука равнодушного человека, оказавшегося в лесу на этом месте. Только душа повествователя отзывается на беззащитность дома. «Капшин положил на огонь новую валежину – косяк от дверей с железным пробоем. Возле пробоя в косяке небольшие ямки. Это от рук, от их многолетнего касания», – скупно замечает он. Следы многолетней человеческой жизни и то, что держало конструкцию дома, использовано для ночного согревания случайного человека. Разрушение дома ещё очевиднее утром. «Я посмотрел на дом с рябиной. Крыльца нет. Наружных дверей в сени нет. К порогу приставлена плаха, и по ней теперь поднимаются в избу»⁵.

Тем не менее, красота оставленного дома ещё сохранилась в коньке-охлупне, в крепости стояков фундамента, в углах, обшитых тёсом. Судьба брошенного дома и судьба брошенной земли смыкаются с судьбой выброшенного с родного места человека – Ивана и его жены Марьи. Между тем, параллелизм образов дома и его хозяина, Ивана, высокого и светловолосого – «корнеевская поросль», – даёт надежду на возвращение домой и восстановление дома. Светлым началом, хранящим надежду, в рассказе является образ родничка возле дома, по-прежнему дарящего людям живое питьё. Иван припадает к чистой студёной воде и набирает воду жене для поднятия сил: «А как попьёт своей воды – вроде полегче, вроде оживёт немного...»⁶. Памятью о своей воде из родника солдат жил на войне. «Зуболом вода. В войну, где ни

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Там же. С. 104.

³ Абрамов Ф.А. О чём плачут лошади: рассказы; предисл. В. Акимов; худож. А. Милованов. М.: Дет. лит., 2017. С. 95.

был, а такой воды не встречал»⁷. Живая и для солдата, и для старой женщины вода из студёного ключа около дома в конце рассказа несёт просветлённость, становится символом. Образ воды раскрыт и вкусом, и звуком, бульканьем в ведре, капанием воды. Светлый образ единственного наследника дома – Ивана – соединяется с образом чистого ключа и сказочной живой водой. «Только раз на каком-то пригорке вспыхнула светлая, вся в солнечных искрах, голова Ивана и погасла. <...> И всё мне казалось, что я слышу какой-то странный шемящий звук, похожий на бульканье воды в жестяном ведёрке»⁸. Жизненная сила образов хозяина дома и его родничка объединяется в восприятии повествователя.

Может быть, потому и силен мотив восстановления дома в заключительном романе тетралогии «Дом» (1978), что в творческом сознании писателя много лет не давал покоя образ брошенного, сиротливого дома. В каждом романе тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сёстры» дальним и ближним планом проходит в полноте чувств образ родного дома, то эмоциональными всплесками в памяти главных героев, то запахами, вкусами, ощущениями. Дом в первом романе «Братья и сёстры» остаётся в душе солдата и пробуждается вместе с приходом писем от близких – с домашними запахами, голосами, детскими росчерками, размывами от слёз жены. Первый роман тетралогии «Братья и сёстры» (1958) открывает тему семьи, единства родных людей, братьев и сестёр, постепенно расширяющегося до образа большой семьи, народа. В последнем романе тетралогии на первое место выходит мотив собирания семьи в родном доме, восстановлении её единства. В романе «Пути-перепутья» мотив «сёстры-братья» набирает силу и становится ведущим. «Да советские ли мы люди после этого? Братья и сёстры мы? Или кто?»⁹. Мотив родства во Христе в речи Подрезова смыкается с государственной идеологией, обнаруживая живость исконного мотива в

сознании руководителя райкома. В первом романе «Братья и сёстры» единство семьи – деревни, народа – только определяется. «Но разве перед лицом тех неслыханных мук и страданий, которые выпали на долю их сестёр и братьев, мог кто-нибудь из них сказать, что он делает всё, что может?»¹⁰, – размышляет Анфиса Петровна. «Люди из последнего помогают друг другу. И такая совесть в народе поднялась – душа у каждого насквозь просвечивает. И заметь: ссоры, дразни там – ведь почти нет. Ну как бы тебе сказать? Понимаешь, братья и сёстры... Ну, понимаешь, о чём я думаю?»¹¹. Мотив единения в семье – главный в первом и в последующих романах тетралогии.

В заключительном романе «Дом» в родное Пекашино возвращаются братья-близнецы Пётр и Григорий. Приехав в отпуск, они остаются здесь навсегда. Пётр многое переживает «как прежде», «как в детстве», что и предопределяет его решение остаться. Приходит понимание того, что у него есть семья. Вместе с этим меняется отношение к больному брату – чувство обязанности и раздражения переходит в чувство душевной привязанности. Для Петра стало обретением восстановленное чувство единения. «Самые счастливые, самые богатые годы у него в жизни те, когда он душа в душу жил с братом, когда оба они составляли единое целое, когда на всё смотрели одними глазами, одинаково думали и когда, как говаривала Лиза, им снились одни и те же сны»¹². Возвращение в детство, в родной дом подарило Петру встречу с собой, возвращение себя. «Да, он вернулся к тому, от чего отрекся и отгораживался столько лет. Вернулся к брату, к жизни, к себе»¹³. По-мужски скупыми словами подводит итог своего пребывания в родной деревне стареющий Пётр. Он остаётся на родине, готовый вместе со старшим братом Михаилом поднимать Пекашино, работать на земле. Отремонтированный Петром родительский дом собирает не только братьев – Григория, Фёдора – вокруг «мамы

⁷ Абрамов Ф.А. О чём плачут лошади: рассказы; предисл. В. Акимов; худож. А. Милованов. М.: Дет. лит., 2017. С. 104.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Абрамов Ф.А. Братья и сёстры: роман в 4 кн. Кн. третья: Пути-перепутья. Кн. четвертая: Дом. М.: Вече, 2019. С. 199.

¹⁰ Абрамов Ф. Братья и сёстры: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 82.

¹¹ Там же. С. 306.

¹² Абрамов Ф.А. Братья и сёстры: роман в 4 кн. Кн. третья: Пути-перепутья. Кн. четвертая: Дом. М.: Вече, 2019. С. 459.

¹³ Там же. С. 460.

Лизы», старшей сестры, заботившейся в детстве о младших, он мирит Михаила с Лизой после долгих лет их ссоры.

Восстановление родного дома Пётр начал с обследования чердака. И погружение в семейный архив – «...целый ворох бумаг и бумаженок, которые сюда сваливали годами»¹⁴ – дарит ему открытия. Взрослый человек попадает в собственное прошлое и прошлое своей семьи, оно тоже подталкивает его к судьбоносному решению, к будущей жизни на земле. Словно врач, Пётр выстукивал и выслушивал «...каждое брёвнышко, каждую доску старого дома»¹⁵. Старый дом в романе очеловечен, он нуждается в лечении и поддержке, во врачевании. Но образ дома в последнем романе богат и другими значениями. С потерей дома Степана Андреяновича, описанного Лизе, настоящей утраты дома не происходит. И не только потому, что Пётр затевает восстановление брошенного родительского дома. Дом как цельность человека, как душевный лад, как нравственное устроение остаётся в душе Лизы. Дом как духовная и нравственная константа, существование постоянных и незыблемых ценностей, присутствует в образах главных героев тетралогии. Поэтому богатырский «янтарный», просторный дом, который «звоном звенит», с конем-охлупнем, большого мастера Степана Андреяновича, можно принять как метафору состояния души, внутреннего домоустройства главных героев, – Лизы, в первую очередь. В образе красивого дома отражена красота души, ширь, чувство родства с людьми, крепость на земле. «Главный-то дом человек в душе у себя строит. И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет. Крепче всех кирпичей и алмазов»¹⁶, – говорит в романе «Дом» второстепенный персонаж старик Евсей, проникнув в суть души Лизы и Михаила. Событийно развёрнутое воссоздание родного дома как восстановление пространства вокруг человека, как возрождение родной земли, ее плодородия, – только часть многомерности образов и мотивов дома в прозе Ф. Абрамова. Метафорические смыслы образа

родного дома как обретения человеком себя в дополнении с мотивом восстановления разрушенного, брошенного дома извлекаются писателем из культурной памяти русского человека. Дом как прочность нравственных принципов – совести, добра, ответственности, преданности – их единства и целостности в душе человека связаны с евангельскими основами. И потому возвращение домой, восстановление родного дома на глубинном смысловом уровне русской культуры могут быть поняты как восстановление совести, добра, долга, ответственности перед людьми, перед землёй.

В прозе В. Распутина образ родного дома является главным в ряде произведений – «Василий и Василиса», «Деньги для Марии», «Последний срок», «Уроки французского», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Изба», «Вниз и вверх по течению», «Видение», «На родине». Трудно назвать рассказ или повесть В. Распутина, где образы родного дома и родины не были бы важнейшими. Сюжет повести «Последний срок» (1970) замкнут домом старухи Анны. Только её воспоминания раздвигают пространственные границы избы до ближайшего леса и пашни, до берега реки. Изба в повести – центр мироздания старой женщины. В повести «Живи и помни» (1974) стремление Андрея Гуськова вернуться в родную деревню претерпевает инверсию. Возвращение в родные края имеет вывернутый смысл, поскольку солдат нарушает долг перед родиной. Имеет обратный смысл и присутствие Гуськова в деревне – он находится вне родного дома, на другом берегу, среди тайги в зимовейке, то есть временном жилье. Сюжет повести «Прощание с Матёрой» (1976) сосредоточен вокруг родного дома – деревни, изб, в которых жило несколько поколений людей, вокруг острова Матёра. Прощание с домом – длительное и мучительное – в повести не заканчивается. Уничтожена деревня, сожжён лес, выгорела земля, но остаются люди, царский листвень, Хозяин острова, и вместе с ними Матёра остаётся живой.

Для В. Распутина тема возвращения к началу жизни – в родной дом – это возвращение к сущности, не растерянной по житейским дорогам и крутым перекатам, возвращение к себе целому. В рассказе «День ро-

¹⁴ Абрамов Ф.А. Братья и сёстры: роман в 4 кн. Кн. третья: Пути-перепутья. Кн. четвертая: Дом. М.: Вече, 2019. С. 303.

¹⁵ Там же. С. 304.

¹⁶ Там же. С. 329.

дения» (1967) автор, ещё фактически не писатель, открывает дверь внутрь души человека. «Он работает, учится, любит, делает успехи и терпит неудачи – и все это в дороге, где дни и месяцы, как географические координаты, следуют друг за другом до последнего мгновения, когда человек поздно вечером накануне дня рождения переступает порог родного дома, в котором он появился на свет. Наконец-то он остаётся один, и у него есть время подумать о себе, прежде чем отправиться в очередное путешествие. Он вспоминает мать, детство возле матери, и эти воспоминания, молчаливые сами по себе, снова говорят ему, что он не всегда был на земле, а значит, и не всегда будет»¹⁷. Разумеется, сюжетный мотив возвращения в родной дом у Распутина многозначен. В раннем рассказе писатель открывает тему возвращения человека к самому себе, к истокам своей судьбы – к себе подлинному, как возвращение в родной дом.

Повесть «Вниз и вверх по течению» (1972), названная позднее очерком в силу автобиографичности, замечательна началом укрепления темы родного дома, важной для начинающего писателя. Главный герой обоих произведений («День рождения» и «Вниз и вверх по течению») Виктор через возвращение домой пытается найти в себе что-то потерянное. В очерке «Вниз и вверх по течению» Виктор не узнаёт выселенную на новое место родную деревню, не может ощутить то важное, ради чего он приехал, «лишившись чего-то главного, основного, какого-то центра, собиравшего их воедино, в один круг <...>»¹⁸. Но на пути домой он осознаёт необходимость детских воспоминаний. «Воспоминания, связанные с рекой, жили в нём отдельно от других, и жили тёплой душевной печалью, возле которой он часто грелся и отдыхал, перед тем как двинуться дальше. Он понимал: их сберегло детство – всё, что относится к первым впечатлениям, сохраняется надолго, может быть, навеки, но в том-то и дело, что из многого другого детство

выделило именно их»¹⁹. И не найдя прежним дом, Виктор крепнет сознанием, что детство осталось с ним – в этом его обретение. Очерк, как и многое у В. Распутина, звучит как пророчество и притча: сохранение себя в новой России через обращение к истокам. Мотив возвращения на родину – в мир детства, родной дом – таким образом, раскрывается во многих произведениях писателя, в повестях «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», в рассказе «Уроки французского».

Мотив потери дома звучит заключительным аккордом в повести «Пожар» (1985). Неожиданно, поскольку сюжет сосредоточен вокруг спасения продовольственных и промтоварных складов сельского магазина. «Издали-далеко видел он себя: идёт по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдёт он сейчас за перелесок и скроется навсегда»²⁰. Ощущение потери человеком дома в финале повести метафорически связано с ощущением потери себя, с потерей нравственных опор, традиций в современной действительности, раскрытой в сюжете. Отстранённость главного героя от себя, очевидная в тексте («видел себя издали-далеко»), усиливает чувство пустоты в душе – отсутствия главного, надёжного, чего-то, предопределяющего будущее. Кроме нравственных потерь в России 1980-х гг., боль от потери родной деревни присутствовала в сознании писателя с периода написания очерка «Вниз и вверх по течению» (1972) и повести «Прощание с Матёрой» (1976) до повести «Пожар» (1985). И может быть, поэтому в творческих замыслах писателя постепенно, сопротивляясь современной действительности, созрело желание запечатлеть образ родного дома целым.

В рассказе В. Распутина «Изба» (1999) топоним родного дома, несмотря на его смещение, остаётся неизменным, благодаря усилиям старой женщины, восстановившей свой дом, – родное пространство вокруг себя. Больная, надорванная Агафья собрала свою избу по бревнышку и прожила в нём, опровергая прогнозы врачей, ещё почти двадцать

¹⁷ Распутин В. Человек с этого света: рассказы. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1967. С. 108.

¹⁸ Распутин В.Г. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Последний срок: повесть, рассказы. Иркутск: Изд. Сапронов Г.К., 2007. С. 281.

¹⁹ Там же. С. 225.

²⁰ Распутин В.Г. В поисках берега: повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Изд. Сапронов Г.К., 2007. С. 82.

лет. Замечательна сама по себе дата создания рассказа – 1999 год. На стыке двух веков, двух тысячелетий писатель извлекает из памяти народа важнейший историко-культурный мотив – мотив возвращения домой и мотив возвращения родного дома. Тем самым художественно актуализируя проблемы сохранения традиций русской культуры, высказанные в статьях, интервью, докладах открытым публицистическим словом. В рассказе «Изба» парадоксальная, на первый взгляд, ситуация сохранения снятого с места дома естественна тем, что дом сохраняется как физическая, материализованная оболочка человека и как смысловая целостность. Перевоз дома с исконного места на новое, собиравание его хозяйкой, требующие полной отдачи душевных и телесных сил, является развернутой метафорой и завещанием писателя. Историей восстановления дома, актуальной для современной России, завершает В. Распутин «деревенскую» тему в своём творчестве.

Рассказ В. Распутина «Изба» (1999) продолжает мотив восстановления родного дома, представленный как предощущение, скрытая надежда в рассказе Ф. Абрамова «Медвежья охота» (1963–1964) и во всей полноте получивший образно-мотивное выражение в романе «Дом» (1978), соединяя единым стремлением русскую литературу второй половины XX века. В произведениях В. Распутина мотив утраты родного дома, остро обозначенного в очерке «Вниз и вверх по течению» и повести «Пожар», развился в рассказе «Изба» в мотив возвращения родного дома, его восстановления любой ценой ради того, чтобы человеку остаться живым. В. Распутин стал преемником Ф. Абрамова в воплощении образа родного дома и обусловленного им образно-мотивного комплекса. Мотив возвращения родного дома не связан с разрухой и потерями во Второй мировой войне, гражданской войне, революции, заполнивших всю первую половину истории России XX века. Вопрос не только о социально-исторических катастрофах и выходе из трагических последствий. Поставлен другой вопрос, обусловленный в русской культуре традиционным христианским сознанием, – об устройении человеческой души, отношении к земле, к окружающему миру, к людям, о

смысле жизни человека, о его высшем назначении. Ответы на эти вопросы писатели деревенской прозы предлагают искать в миропонимании и культуре предков, сохранивших Россию в течение тысячелетия. Едва страна оправилась от Второй мировой войны, выйдя из неё победителем, эти проблемы были поставлены в русской литературе Ф. Абрамовым. Жизнеутверждающими интонациями звучали они позднее в книге В. Белова «Лад. Очерки о народной эстетике» (1982), в которой делается попытка обратить внимание общественного сознания на истоки родной культуры – для восстановления своего дома, коренного образа жизни, лада, разумного и мудрого в нём устройства.

В статье «Его сотворённое поле. О Федоре Абрамове» (1987) В. Распутин вспоминает, что при знакомстве с писателем, которое произошло на съезде в Кремле рядом со столами продававшихся книг, они с Ф. Абрамовым купили по «Энциклопедии домашнего хозяйства», редкой по тем временам книги. «– Вот это нам и надо. Всё остальное напишем сами»²¹, – подытожил Ф. Абрамов покупку. Выбор значимый и метафоричный, хотя и объясняется по-житейски просто, заботой о подарке жене. С легкостью в те же дни Ф. Абрамов дарит В. Распутину новую пишущую машинку немецкой марки, которую молодой писатель воспринимает как счастливый и лестный для себя подарок и бережёт потом многие годы. Эти факты характеризуют Ф. Абрамова как человека. Факты знакомства, встреч, писем, общения, подарков свидетельствуют о состоявшейся и необходимой духовной связи двух писателей деревенской прозы разных поколений. Определив в той же статье В. Белова как преемника Ф. Абрамова, В. Распутин сам в свою очередь явился продолжателем идей, ценностей, художественного мира деревенской прозы.

ВЫВОДЫ

Образ родного дома как центральная духовная ценность в прозе писателей Ф. Абрамова и В. Распутина, дающая главным геро-

²¹ *Распутин В.Г.* У нас остаётся Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / сост. Т.И. Маршкова; предисл. В.Я. Курбатова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. С. 644.

ям полноту и осмысленность жизни, возвращение к себе подлинному, связан с образом разрушенного, брошенного дома или его утратой, с мотивом обретения дома, восполнения утраченного. Таким образом, мотив возвращения домой, сюжетообразующий в прозе Ф. Абрамова и В. Распутина, оказался неразрывным с мотивом его восстановления.

В поздней публицистике, подводя итоги своего литературного пути, В. Распутин актуализирует мотив возвращения домой. «Тридцать примерно лет, от 60-х до середины 80-х, русская литература <...> делала одно дело – собирала народ для возвращения домой. Из России географической, пространственной – в Россию историческую, духовную»²² («Жива ли русская литература: исто-

рия болезни»), 1997). Мысль писателя обнаруживает важный пласт смысла мотива возвращения домой как возвращение в собственную культуру, как восстановление родного дома, внеличностный, социально-исторический смысл сохранения родного, того места, откуда человек родом. Отступление литературы от собственной традиции и истории воспринималось писателем как уход из дома. В. Распутин хранил надежду, что народ сможет вернуть чувство единения, ощущение себя одним целым, семьёй, вернуться в родной дом. Возвращение современной отечественной литературы на родину ожидается писателем как возвращение к своей судьбе, высшему смыслу жизни народа, связанному с нравственными ценностями предков, историей страны.

²² Распутин В.Г. Жива ли русская литература: (история болезни) // Ленская правда. Качуг, 1997. 28 марта. С. 2-3.

Список источников

1. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.
2. Радомская Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в. Опыт духовного, семейного, государственного устроения. М.: Совпадение, 2006. 240 с.
3. Радомская Т.И. В поисках утраченного: судьбы дома и их художественное воплощение в русской литературе XIX–XX вв. // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2018. № 1 (14). С. 41.
4. Хализев В.Е. Интуиция совести (теория доминанты А.А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. В.Н. Захаров. Петрозаводск, 2001. С. 21-42.
5. Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
6. Захаров В.Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7-19. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.8382>
7. Никандрова О.В., Хализев В.Е. Научные школы и внеакадемическое литературоведение в России XX века // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 5. С. 36-54.
8. Захаров В.Н. Есть ли у нас литература? Концепты *литература* и *словесность* в русской критике // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 7-15. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.4043>
9. Захаров В.Н. Снова о перспективах изучения исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 7-16. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.5021>
10. Хализев В.Е. О языке современного литературоведения // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 2. С. 3-12.

References

1. Khalizev V.E. *Tsennostnyye oriyentatsii russkoy klassiki* [Value Orientations of Russian Classics]. Moscow, Gnosis Publ., 2005, 432 p. (In Russian).
2. Radomskaya T.I. *Dom i Otechestvo v russkoy klassicheskoy literature pervoy trety XIX v. Opyt dukhovnogo, semeynogo, gosudarstvennogo ustroyeniya* [Home and Fatherland in Russian Classical Literature of the First Third of the 19th Century. Experience of Spiritual, Family, State Dispensation]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2006, 240 p. (In Russian).

3. Radomskaya T.I. V poiskakh utrachennogo: sud'by doma i ikh khudozhestvennoye voploshcheniye v russkoy literature XIX–XX vv. [Search of the lost: fate of home and its creative execution in the Russian literature 19th–20th centuries]. *Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of Krasnodar State Institute of Culture], 2018, no. 1 (14), pp. 41. (In Russian).
4. Khalizev V.E. Intuitsiya sovesti (teoriya dominanty A.A. Ukhtomskogo v kontekste filosofii i kul'turologii XX veka) [Intuition of conscience (A.A. Ukhtomsky's dominant theory in the context of philosophy and cultural studies of the 20th century)]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Vyp. 3* [Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre. Issue. 3]. Petrozavodsk, 2001, pp. 21–42. (In Russian).
5. Zakharov V.N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskiye aspekty* [Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects]. Moscow, Indrik Publ., 2012, 264 p. (In Russian).
6. Zakharov V.N. Ideya etnopoetiki v sovremennykh issledovaniyakh [The idea of ethno-poetics in contemporary research]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.8382> (In Russian).
7. Nikandrova O.V., Khalizev V.E. Nauchnyye shkoly i vnenapravlencheskoye literaturovedeniye v Rossii XX veka [Literary thought within schools and beyond in the 20th century Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2014, vol. 73, no. 5, pp. 36–54. (In Russian).
8. Zakharov V.N. Est' li u nas literatura? Kontsepty literatura i slovesnost' v russkoy kritike [Do we have literature? concepts literature and slovesnost' in Russian criticism]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2016, no. 14, pp. 7–15. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.4043> (In Russian).
9. Zakharov V.N. Snova o perspektivakh izucheniya istoricheskoy poetiki [One more time about the perspectives of the study of historical poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 7–16. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.5021> (In Russian).
10. Khalizev V.E. O yazyke sovremennogo literaturovedeniya [On the language of modern literary criticism]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2011, vol. 70, no. 2, pp. 3–12. (In Russian).

Информация об авторе

Иванова Валентина Яковлевна, кандидат филологических наук, кандидат культурологии, доцент кафедры новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1120-5688](https://orcid.org/0000-0003-1120-5688), i_valya@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с литературными источниками, анализ полученных результатов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 10.01.2022
Одобрена после рецензирования 16.04.2022
Принята к публикации 24.06.2022

Information about the author

Valentina Y. Ivanova, Candidate of Philology, Candidate of Culturology, Associate Professor of Contemporary Russian Literature Department of Philology, Foreign Languages and Media Communications Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1120-5688](https://orcid.org/0000-0003-1120-5688), i_valya@mail.ru

Contribution: study conception, work with literary sources, obtained results analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 10.01.2022
Approved after reviewing 16.04.2022
Accepted for publication 24.06.2022